



Нина Карцивадзе¹

МОИ ЗАПИСКИ²

Пятигорск, 8 августа 1942 года — 11 января 1943 года

В воскресенье 8 августа 1942 года рано утром мама спустилась в город. Я, оставшись одна, положила на столик перед окном книгу К.И. Чуковского с цветными картинками. Тётя Катя и мама успели, когда мы уходили в эвакуацию, подобрать для меня книги. Мы везли из Ленинграда очень хорошее издание — Чуковский детям и сочинения М.Ю. Лермонтова в одной книге издательства «Детгиз». Мама захватила карманный «Атлас СССР» (1939 г.). Погода в этот день была хорошая. В окно был виден снежный двугорбый Эльбрус. Вернулась мама, мы стали собирать вещи, потащили чемодан и портплед с подушкой и одеялом к месту сбора сотрудников института. Все уже собрались, мы были последними. Стояли две телеги. Одна была загружена мешками с мукой и флягами с подсолнечным маслом, сверху сидела жена нашего руководителя — полная, пышная женщина. На руках золотые кольца, в ушах сверкали серьги. На другую телегу сложены вещи сотрудников и студентов, на ней сидели горбатая Ревекка Абрамовна Этинген и её очень старенькая мать, рядом стояла вторая дочь — Софья Абрамовна. Портплед у меня взяла Ревекка Абрамовна, положила на телегу. Наконец, подошла мама с тяжёлым чемоданом. Места на телеге для чемодана не было. Возчик сказал, что одна семья — одна вещь на телегу. Чемодан он может привязать под телегу, если мама

¹ Карцивадзе Нина Аристарховна родилась в Ленинграде, пережила блокаду в 1941–42 гг., была эвакуирована в Пятигорск, затем в Самарканд и Куйбышевскую область. После возвращения в Ленинград в 1944 г. училась в 47-й школе, затем окончила химико-технологический факультет Института киноинженеров. Работала в научно-исследовательских институтах, участвовала в работах по новому инструментальному методу химического анализа — газожидкостной хроматографии. Живёт в Санкт-Петербурге.

² Окончание. Начало см. журнал «На русских просторах» № 4 (51) за 2022 г., стр. 12–32.

заплатит 5000 рублей. Таких денег у нас не было. Вчера выдали зарплату в 10 раз меньше этой суммы. Пришёл наш руководитель, он громко объявил, что пора ехать, а нас не берут, т. к.: «Ребёнок до Махачкалы не дойдёт!». От такого ужаса мама потеряла сознание, упала на чемодан. Телеги тронулись; понимая, что институт уходит, я побежала за телегой, где были наши вещи. Ревекка Абрамовна подала мне портплед со словами: «Вы не евреи, вас не расстреляют, не бойтесь!». Вozы уехали, следом шли студенты и сотрудники. О.Н. Густавсон вместе со всеми пешком ушла в Махачкалу. Мама очнулась, кругом стояли квартирные хозяйки, которые пришли проводить своих постояльцев. Они, очень находчивые и умные женщины, записали, как нас бросили, поставили свои подписи, засвидетельствовали, что мы остались в Пятигорске не по своей воле. Эта «справка» с большим количеством подписей помогла нам при проверке, когда Пятигорск был освобождён от врага, и в Ленинграде, когда нас прописывали. Квартирная хозяйка дома, где жила семья Этинген, оставила нас у себя. Она знала, что за люди живут на Госпитальной, как там к нам плохо относились.

Пятигорск 9 августа 1942 года. 155 дней оккупации

В город входили враги. Шёл бой, вдоль улицы стреляли, говорили, что из танка. Видны были цветные следы летящих снарядов. Мы все постарались спрятаться в подпол. Стрельба закончилась, напротив дома, где мы были, стояла грузовая машина — полуторка. Дочка хозяйки перевязывала раненого. Он был ранен осколком в спину под лопатку. Его переодели в гражданскую одежду, поставили во дворе «раскладушку», всем говорили, что он переболел тифом. Город заняли немецкие армейские части. Из разговоров взрослых я поняла, что машина шла от кладбища, где шёл бой. Шофёр (рядовой) и командир были посланы за патронами (зарядами). Снаряд взорвался над грузовиком, водитель был убит, командир ранен. Теперь под яблоней на раскладушке лежал наш военный, а во дворе немец, который занял соседний дом. У этих двух домов был общий двор. Этот немец из армейской части, эсесовцы со всеми подозрительными расправлялись жестоко. Немцы боялись тифа. Волшебное слово «тиф» — немцы близко не подходили к раскладушке. Немного окрепнув, наш раненый ушёл, он знал эти места, хотел перейти линию фронта в известном месте.

Первый раз я увидела немца во дворе близко. В каком он был звании, не знаю, но, скорее всего, не в высоком. Фашист решил помыться. Около колодца разделся, сняв с себя всё. Женщины

и дети убежали, тогда не было принято раздеваться, обнажаться при всех. Нас за людей немцы не считали. Пришли немцы, которые остановились в соседних домах, зарезали барашка, хорошее мясо приготовили для себя, а всё, что им не нужно, отдавали детям. Я близко не подходила.

Нам надо было выжить в этом чужом городе. Мама предложила хозяйке этого дома заработать, организовав выпечку пирожков на продажу. В городе была мука, растительное масло, яблоки. Соседки приняли участие, артель работала. Распределили роли: соседки готовили начинку из яблок, другие готовили с вечера тесто, а рано утром начиналась выпечка, домашние пирожки с яблоками были очень хороши. Мама ходила по базару с корзиной горячих пирожков. Покупали пирожки с удовольствием. Мне дали попробовать только два раза.

Немцы оккупировали Пятигорск на 155 дней. В первое время они заигрывали с населением. Разрешили открывать частные лавочки, мастерские по ремонту обуви, швейные мастерские. Пока в городе были армейские части, не было притеснения местного населения, но в город вошли части СС. Эти фашисты стали устанавливать «новый порядок». Им нужно было приготовить здравницы для поправки здоровья раненых офицеров. «Чернорубашечники». По приказу полиции нам пришлось уйти от хозяйки, где перед эвакуацией жила Этинген, и вернуться по месту прописки — на Госпитальную улицу.

Фашисты решали «еврейский вопрос». Всем евреям приказано было пришить на одежду жёлтую шестиконечную звезду. Несколько позже евреям приказали собраться в определённом месте. Теперь я знаю, что к этому времени у европейских варваров появились грузовые машины «душегубки». Фашисты объявили о «переселении» евреев. Мой врач-дерматолог погиб со всей очень большой семьёй. Он шёл в этом страшном потоке людей без вещей, понимая, что переселение — ложь. Когда его спрашивали, он отвечал, что *«там ничего не нужно»*. Мама была на улице, видела молодую женщину с девочкой 2-х — 3-х лет. Малышка устала, просилась «на ручки», а мать плакала, уговаривала дочку не капризничать, обещала купить самую большую красивую куклу, слёзы ручьём текли по её лицу.

Жить было трудно. Работать на немцев мама не собиралась. Денег было мало. Была последняя зарплата и деньги от продажи пирожков. Продать нечего. Деньги мама берегла, надеясь, что придёт время, когда мы должны выбраться из Пятигорска и вернуться домой. Мне она ничего не говорила, но даже от себя пря-

тала деньги на дорогу. Мы покупали пшено самое дешёвое, я его отмывала, перетирая руками, грязное серо-зелёное становилось жёлтым. Готовили на двух кирпичах во дворе. Нужно было собрать веточки, щепки для готовки. Пока было тепло, мы ходили на гору Машук, собирали хворост для готовки на улице. Походы пришлось прекратить, т. к. наткнулись на убитую женщину. На её груди была фанерка с надписью: «За содействие партизанам». Мы партизан не встречали.

Однажды в колючих зарослях кизила к нам подошёл немец в серо-зелёной форме. Он стал говорить: «Uhr, Uhr!». Мама стала снимать свои старенькие часы в стальном корпусе. Грабитель засмеялся, закатал оба рукава. На обеих руках были надеты золотые часы: дрянь в стальном корпусе ему не была нужна. Походы на Машук пришлось прекратить.

Поход за колючую проволоку

Мама пошла на базар в надежде продать что-либо, а я побежала в другую сторону через улицу, за колючую проволоку. В траншеях валялись сумки от противогозов, а ещё какие-то неизвестные мне металлические диски. Теперь я знаю, что так может выглядеть пехотная мина. Я не знала, что это такое, старательно обходила эти предметы. А вот сумки противогозов меня очень интересовали. В Ленинграде у меня был противогоз. В его сумке в кармашках можно было хранить нужные ценные вещи. Удача улыбнулась мне, я нашла в одном кармашке красную бумажную денежку с В.И. Лениным. Обрадовалась, перестала осматривать остальные окопы. Бегом побежала домой. Захватив большую территорию, немцы не успели изготовить денежные знаки для оккупированных территорий. Народ пользовался советскими деньгами, были и немецкие металлические марки, но мне их брать в руки было противно. Эта красная бумажная денежка была 3 червонца (тридцать рублей). Пришла огорчённая мама. Она ничего не смогла продать, я ждала, что она обрадуется моей находке, но она испугалась, подумав, что я украла денежку. Было обидно. Наконец, я втолковала, где и как я её нашла. В итоге ходить на другую сторону улицы мне было запрещено.

Однажды я была свидетелем, как немец бил подростка, который нёс под мышкой чистый просяной веник. Кончик веника на повороте каменной лестницы задел рукав кителя офицера. Фашист бил мальчика кулаком по лицу, а когда тот упал, стал бить рукояткой нагана.

На столбе появилось объявление: «Открывается школа. Принимаются только дети арийского происхождения». Напомню, что у мамы немецкая фамилия, т. к. мой дед — Юстус Готлиб фон Виссель. По документам — Юстус Богданович. При рождении, при крещении православных записывали русскими. Все сёстры мамы русские, все сёстры и брат бабушки — тоже русские. Иметь отношение к национальности нелюдей фашистов было оскорбительно. «В такую школу я не пойду!» Мама коротко сказала: «Конечно!». Не собирались фашисты учить славянских детей никакому языку, команды покорным рабам они хотели отдавать жестами.

Пригодились учебники русского языка, которые я собрала на улице около сожжённой типографии. Учебники были для разных лет обучения, разных лет издания. Их охотно покупали сельские жители, привозившие продукты на рынок. Народ хотел говорить на родном русском, знать его. Мы меняли старые учебники на продукты.

Нам пыталась помочь женщина, жившая в одном из соседних домов. Она мыла посуду в столовой, теперь эта столовая обслуживала немцев. Она сказала, что будет отдавать нам остатки вчерашнего супа. Несколько раз я ходила туда с бидончиком, она наливала мне остатки супа. Последний раз, когда я стояла около столовой, подъехал джип. На радиаторе был расстелен флаг со свастикой. Рядом с водителем стояла лапами на флаге крупная красивая овчарка. Из машины вышли очень молодые спортивного вида эсэсовцы в чистой наглаженной форме с молниями на воротничках. Увидев меня, они стали смеяться, а собаке дали команду: «Юдиш!». Собака спокойно подошла, взяла мою правую руку выше кисти в пасть. Я не пыталась бежать, стояла смиренно, испугалась, но виду не подавала, боялась не собаку, а молодых негодяев фашистов. Столовая на центральной улице города: расправу на виду у всех они не стали устраивать, может, очень торопились обедать, отозвали собаку и пошли в столовую. Пришлось забыть дорогу к этой столовой.

В оккупированном Пятигорске по разным причинам остались 27 ленинградцев, эвакуированных Плановым институтом. Нас с мамой не взяли, часть студентов вернулись в город из совхоза. Они гнали скот, а проводник завёл их в тупик. Некоторые были в больнице, после больницы — зав. библиотекой Д.Д. Шамрай. Сознательно осталась студентка Ирина Шпигель с матерью. Они — этнические немцы — радовались приходу оккупантов. Ирина стала работать у немцев. Я этого не знала, когда однажды встретила

Ирину на улице. В лицо я её не знала, а она узнала меня, зазвала к себе в квартиру. Жили они в чужой квартире, судьба бывших хозяев её не интересовала. На кухне в кастрюльке на керосинке варилось мясо, на столе буханка хлеба! Значит, немцы выдавали предателям паёк. Я попала в гости к предателям!

Шпигель почувствовала, что мне у неё быть неприятно. Она отрезала половину буханки, дала её мне. Пока бежала домой, ждала маму, я не отщипнула ни крошки. Рассказала маме, как всё было. Она меня не ругала, но строго сказала, что к Шпигель ходить не надо. Молча я корила себя, а мама высушила хлеб, сухарики спрятала: в самые голодные дни, стараясь не вспоминать, что это за «сухарики», мы их сосали в темноте ночью.

В больнице 8 августа находился Д.Д. Шамрай, его выписали из больницы, а квартирная хозяйка не пустила в комнату. Денег у него не было, возможно, ему не выдали зарплату, когда институт уходил из Пятигорска. Он упросил маму позволить ему ночевать у нас в углу за плитой. Он уходил рано утром. Возвращался, когда темнело, молча искал пищу на плите. А у нас ничего не было. Раздобыл учебник грузинского языка, учил язык, пытался приохотить меня, но мои мысли были в Ленинграде, а там грузинский мне не был нужен. Он знал много языков, освоил и грузинский. Помощи от него ждать было бесполезно, он привык, что за ним ухаживают. Мама была измучена, один раз сорвалась на меня. Надо было притащить на второй этаж большой кувшин с водой, вода холодная, кувшин тяжёлый и скользкий, руки замёрзли; кувшин я разбила. Хозяйка кувшина заступилась за меня. Ухаживать и кормить совсем незнакомого человека у мамы сил не было. Присутствие Шамрая нам повредило. Сплетницы пустили слух, что он муж моей мамы. Когда нас стали преследовать, то маме пришлось отказать ему в жильё, а он не мог понять, что преследовать будут и его, и очень обиделся. Он появился у нас ещё раз, когда его ограбили румыны, сняли с него ботинки. Из «неприкосновенного» запаса мама дала ему денег. Последний раз я его увидела уже в Ленинграде на Плуталовой улице.

Зима 1942–43 гг. оказалась суровой. Выпал снег, на тротуарах лёд. Готовить на улице стало невозможно. Мама варила самые дешёвые продукты: самое дешёвое отмытое от пыли пшено, заправляла нутряным бараньим жиром. Этот примитивный «суп» и кукурузные лепёшки — вот, в лучшем случае, чем мы питались. В первый день суп был горячим, разогреть его в следующие дни не всегда получалось. Кукурузная лепёшка хороша горячая, хо-

лодную трудно разжевать и проглотить. Головку чеснока можно было найти на земле на базаре. Лепёшку нужно натереть чесноком, чтобы её легче есть.

В Пятигорске высокая влажность. Веточки деревьев обрастают льдом. Если сама веточка толщиной с мой мизинец, то под слоем льда она уже толще руки. Тополь — дерево хрупкое, веточка обламывается, сверху летит крупный кусок льда. Зимой трудно поддержать огонь, возиться с кирпичами, ветер ворошит, сдувает мелкий хворост. Днём мы бродили по городу, стараясь не попадаться на глаза немцам и полицейским. Ночью пытались спать в холодной летней кухне.

Баня

Был холодный день, а мама сказала, что идём мыться, надо согреться. Я слушала, ничего не спрашивала, мама была нервная, измученная. Мы пошли к курортным старинным павильонам. На земле снег, никого нет, слышны только наши шаги. В одном павильоне душ, холодно, но если открыть подачу воды, то из лейки душа льётся горячий дождик. Хорошо помылись, согрелись, рады были этой бане, хотя было страшно. На наше счастье в этой звенящей тишине никого не было. Летом грели воду на солнце, а зимой помогла природа. Мне был урок о Земле: глубоко-глубоко кипит лава, спят вулканы. Хорошо пользоваться минеральной водой, горячими источниками. Иногда всё приходит в движение, об извержении Везувия я уже знала.

Гибель квартирной хозяйки. Донос предателя на нас

Мы снимали летнюю кухню у Марии Абрамовны. Её очень старенькая мама по приказу полиции пошла на сборный пункт, якобы для переселения. Как известно, душегубки ждали жертв. Фашисты убивали людей газом циклоном или выхлопными газами автомобиля. В это время мы жили в комнате уехавшей Этинген. На Госпитальной нас не было. Когда нам пришлось вернуться, Мария Абрамовна ещё жила в своей квартире. Через некоторое время к ней вселили украинца, который служил у немцев. Он занял одну комнату, но ему потребовалась вся квартира. Этот украинский националист, фашист, бандеровец донёс на Марию Абрамовну. Полицаи за ней приходили три раза, но не заставляли дома. Всем двором её уговаривали бросить всё, скрыть паспорт, идти побираться по сельской местности. Советов соседок она не слушала. На четвёртый раз её застали дома. Полицаи уводили её; уходя,

она громко сказала маме (должны были слышать соседки и полицаи), что она (Мария Абрамовна) взяла у нас керосинку, а это, конечно, была её керосинка, ведь у нас ничего не было. В этот момент она уже о себе не думала, хотела сделать добро нам. Я была во дворе, мне было очень страшно. Мы все были беспомощны, ничего не могли сделать, не могли спасти человека от расправы.

Этот предатель обычно рано уходил на свою «работу». Я ему на глаза не попадалась, но однажды мне не повезло. Оставшись одна, я стала играть. Игрушек у меня не было, откуда появились аптечные баночки, небольшие бутылочки, я не помню. Ещё был «чернильный» карандаш. Под окном кухни (на переходе от лестницы к общей веранде) я переливала из одной баночки в другую, разбавляя сиреневую воду. В кухне я это делать не хотела, там я могла испачкать стол. Я возилась на корточках с этими «игрушками», когда перед моим лицом появились громадные сапоги. До этой встречи бандеровец меня не замечал, а теперь разглядел черноглазую девочку, увидел сиреневую жидкость. Раздался грозный крик: «Это у тебя что? Денатурат?». Я молчала. О денатурате я ничего не знала, кроме названия. Выяснив, что это вода, он ушёл. Бандеровец завладел квартирой, а мы жили в летней кухне, которая относилась к этой квартире. Теперь ему потребовалась и эта кухня. Он написал на нас донос, что мы евреи с купленным русским паспортом. Маму вызвали в полицейское отделение на улице Анджиевского (с 1994 года Соборная). Там стали требовать от неё: «Напиши в газету, как и когда купила паспорт!». Мама говорила им, что в Ленинграде документы, подтверждающие её национальность. Полицаи орали: «Петербург взят!». На это мама сказала им, что, если город взят, ей могут прислать документы. «Нет, писать туда нельзя!», — орали негодяи. Первое, что мне сказала, вернувшись, мама: «Наш город держится!». Теперь мама ходила в полицию отмечаться, что мы не скрываемся.

Нервное напряжение лишило её сна. Ночью она смотрела в окно, подперев голову рукой, попасть к нашей двери можно, только пройдя мимо нашего окна. Я говорила, что ночью никого не арестовывают, но всё было напрасно.

Ночь 27 декабря 1942 года запомнилась нам обеим. Меня разбудил сильный глухой удар в дверь. Мама не спала, она не слышала скрипа половиц и дверей соседних квартир, никто не прошёл мимо нашего окна. Опять тихо, только слышно, как тревожно бьётся сердце. Около двери ничего нет. Это нас очень напугало. Мы тогда ничего не поняли. В 1943 году после освобождения Пя-

тигорска, получив письма от тёти Лены из эвакуации, тёти Кати из Ленинграда, мы узнали, что в этот день в Ленинграде умерла бабушка Маня. Очень странное произошло в Пятигорске — стук в дверь слышали мы обе.

Паспорт у мамы отобрали, она продолжала ходить в полицию, отмечалась. Последний раз ей дали предписание, что мы должны явиться на вокзал к эшелону для реэвакуации. Мама заявила, что без паспорта она не поедет. Разговор был долгим. Наконец, взяв с неё расписку, что она со мной придёт на вокзал, вернули паспорт. Хорошо, что мама не брала меня с собой. Полицейские не хотели искать и ловить ребёнка. Мама вернулась с синяками, её столкнули с лестницы, она упала. Паспорт был испорчен немецкой отметкой красными чернилами. В доме жила паспортистка, но и она не знала значение этой отметки. Во всяком случае, паспорт нельзя показывать немецким патрулям. Значение этой отметки я узнала в 2021 году³. Расписываясь о согласии на реэвакуацию, мама уже думала, как избежать угона в плен, в неизвестность. Паспорт испорчен, но в планы мамы не входила поездка в немецком эшелоне, неизвестно куда. Остаться на Госпитальной было нельзя. Мне о реэвакуации мама ничего не сказала, а на следующее утро велела идти к сёстрам — Екатерине Григорьевне и Людмиле Григорьевне, строго наказав помнить ленинградский адрес. Я должна была просить их оставить меня у них. Мама, спрятав паспорт, решила ходить побираться по деревням. Шла я на улицу Дзержинского, а меня мучила мысль, что мне говорили бабушки: «Береги маму, не бросай её!».

Нас с мамой спасли от концлагеря и газовой камеры Е.Г. Александрова и Л.Г. Науменко.

Сёстры меня выслушали, но сказали, что оставить у себя не могут, т. к. сомневаются, не фантазирую ли я. «Пусть придёт мама». Побежала я за мамой, пришли вдвоём. Мама рассказала о всех наших бедах. Поплакав вместе с мамой, они нас оставили у себя. Сёстры жили в очень небольшой комнате, одну из сестёр немцы выселили из её кирпичного одноэтажного дома, а другую из квартиры. Муж одной из сестёр — судья — был арестован немцами. Он погиб.

³ У мамы в паспорте красными чернилами стояла буква «В». Так немцы производили «сортировку», направляя жертву в определённый концлагерь. «М» — Майданек «А» — Аушвиц (Освенцим). Немецкое «В» могло обозначать Бухенвальд или концлагерь Бремен-Бельзен под Ганновером. Мама это так и не узнала, она умерла в 1989 году, считая, что так обозначалась степень благонадёжности. *Прим автора.*

С мамой сёстры нашли общий язык, подружились. По их рассказу получалось, что они дочери почётного гражданина города Пятигорска. Может, из-за этого уцелели. Я уже писала, познакомилась на базаре, где они тоже пытались продавать вещи. Они отличались от квартирных хозяек, которых мы знали. Одна сестра была нотариусом — секретарём в прокуратуре. Мы их не спрашивали, но вот удивительная история: подростком Григорий Александров (сирота) служил у купца, а на первую получку Гриша купил лотерейный билет, на который выпал значительный выигрыш. Хозяин помог ему положить деньги в надёжный банк под хорошие проценты. Гриша стал взрослым, хозяин посоветовал построить отель, помог нанять хорошего архитектора. Отель «Эрмитаж»⁴ на 100 номеров украсил город. Александров отель продал. При советской власти отель перешёл в ведение города. Дочери работали, были дочерьями уважаемого человека. По ложному доносу немцы уничтожили Владимира Корнеевича, мужа Екатерины Григорьевны Александровой.

До прихода оккупантов одна сестра имела небольшой домик по адресу: Сенная 12; где жила другая, не знаю. Немцы выселили их, теперь обе жили в маленькой комнате на улице Дзержинского, д. 29. Два окна и выход из комнаты на общую веранду. В соседней квартире жила женщина, к которой постоянно ходили в гости немцы. Там всегда было тихо. Окна комнаты наших спасительниц были закрыты ставнями со стороны веранды. Только узкая полоска света днём падала на пол под кровать, которую вплотную придвинули к окну. Рано утром взрослые уходили в надежде раздобыть еду. Мне нужно было изнутри закрыть дверь на крюк, а снаружи они запирали дверь ключом. Оставаясь одна, когда становилось светло, я забиралась под кровать, передвигая книгу, читала стихи и прозу М.Ю. Лермонтова. Книга К.И. Чуковского была продана, местные жители охотно покупали книги для детей и учебники русского языка. Две ночи я оставалась одна. Однажды замёрзла, устав ждать их возвращения, забралась в постель, согрелась и заснула крепко-крепко. Они вернулись, а дверь закрыта на крюк, как велели. Проснувшись утром, с ужасом обнаружила, что не впустила

⁴ Отель «Эрмитаж» обветшал, но существует в Пятигорске до сих пор. История постройки отеля, история первого владельца — правда. Гибель мужа Е.Г. Александровой подтверждается письмами 1943–44 гг. от наших спасительниц. У меня только нет уверенности, что они действительно дочери Г. Александрова. Это может быть правдой, а может быть легендой, придуманной для спасения в то время, когда немцы отнимали у них жильё. Оккупанты заигрывали с «бывшими» частными собственниками. *Прим. автора.*

вернувшихся. Где они провели ночь, я не знаю. Мы мало говорили, говорили тихо. Ещё одну ночь я осталась одна, мне было очень страшно. Произошло из-за того, что они попали в облаву. Немцам нужны были рабочие руки для производства лапши для армии. Голодных женщин повар накормил варёной лапшой. Работать они уже не могли, т. к. засыпали на ходу. Утром пришёл немец доктор. Маму прогнали сразу из-за непригодности, увидев яркие белые пятна на руках — следы от фурункулов. С собой у мамы всегда был бидончик; утром она вернулась с густой варёной вчерашней лапшой. Потом вернулись сёстры, они совсем не хотели работать на нужды армии врагов. Эту ночь я не спала, натерпелась страху.

Новый 1943 год встречали вместе. Эта новогодняя ночь с чаепитием была отмечена гаданием. Крутили круг с алфавитом, какого Духа вызывали, я не знаю, а вопрос был серьёзный: когда *наши* прогонят немцев. Освобождение близилось: исчезли фашисты частей СС, командование армейских частей — офицеры, исчезла соседка, к которой ходили немцы. Наконец, я была на улице. Очень долго не могла понять, почему снаружи борта открытых грузовиков белые и мягкие. Потом разглядела, что это убитые барашки. Немецкие солдаты в грузовиках удирали, запасаясь удовольствием.

В то время ни мы, ни сёстры до конца не понимали, от чего они спасают малознакомую женщину с девочкой девяти лет. Когда мы пришли к ним, то никто не знал, что через 15 дней удерут фашисты, а в город войдут *наши* — бойцы Красной Армии⁵.

Взрослые рассказали мне, что через некоторое время по городу стали бегать пьяные немцы и поджигатели с факелами. Работники здравниц понимали, что уйдут оккупанты, а эти здравницы — место их работы. Поджигателей ловили, били. Голодный народ нашёл ямы с картофелем. В страшной давке мама раздобыла 4 картошки, принесла за пазухой это чудо.

11 января 1943 года

Пятигорск освобождён от фашистов! Мне не разрешили выходить из дома. Ещё не все поджигатели пойманы, ещё стреляют, а мама и сёстры в состоянии эйфории на улице. Счастье, что «*наши*» в городе, и горе — нет Владимира Корнеевича. Потом искали его среди замученных, несколько ям с телами осмотрели, но не нашли. Стало тепло, ямы перестали открывать. Я видела на-

⁵ Их письма я прочитала только в 2021 году. В 1943, 1944 годах мне их читать не давали. *Прим. автора.*

ших красноармейцев, они стояли на Сенной улице, были очень усталыми. В толпе жители говорили, что они пришли через горы, что в дома им заходить нельзя, дома могут быть заминированы. Форменная одежда старенькая, обувь — ботинки, выше обмотки. На улице оттепель, под ногами «каша» из снега и воды.

События развивались стремительно. С Эльбруса исчез «паучий» флаг. В центре города торжественно захоронили замученных людей. Я видела страшный обоз с Эльбруса — несколько подвод с обнажёнными телами убитых мучеников. Тогда никому не рассказала об этом. Наши спасительницы ушли жить в свой дом на Сенной 12, удрали фашисты, дом свободен. Маме и мне разрешили жить по адресу улица Дзержинского 29. Мама при первой возможности отправила тётё Лене под Куйбышев телеграмму с одним словом: «живы». Вторую в Ленинград не отправила, боялась думать о судьбе родных.

Радио у нас не было. О событиях на фронтах нам рассказывали военные агитаторы на улицах города. Я не помню, что говорили о 18 января 1943 года. Наши родные ничего достоверного о нас не знали. Им говорили, что из Пятигорска ушли все студенты и сотрудники. Мама составила список студентов и сотрудников, кто не смог уйти из города.

Наконец, стали приходиться письма от тётё Лены и из Ленинграда. Наши родные прислали деньги. Очень быстро открылась школа. Мама записала меня, я пошла учиться в первый класс. На первом уроке нужно было хором читать «МА», «БА». Это было слишком скучно. Дождавшись перемены, отправилась в учительскую. Мне пообещали, что переведут во второй класс после экзамена на большой перемене. На экзамене выяснилось: по чтению я могу быть в 5-м классе, но учиться надо во втором, т. к. правил правописания русского языка не знаю. Нам выдали ручки, перья (86), чернильницы-«непроливайки», чернильные таблетки, которые надо было растворять в воде. Тетрадей не было! Около сожжённой типографии были выброшены рулоны газетной бумаги. С большим рулоном мне не справиться, нашёлся начатый рулон, он был немного испачкан, использовать его в печатной машине невозможно, что позволило мне его присвоить. Писать чернилами на газетной бумаге невозможно, а мне пришлось выполнять домашние задания на газетной бумаге, чернила расплывались. Мама написала письмо тётё Лене на этой бумаге.

Школа перегружена, за партией нас четверо. Учебников нет. У некоторых были учебники разных лет издания, разных авторов.

Учительница армянка. После чтения прозы М.Ю. Лермонтова мне был странен её русский язык. Задание на дом у каждого своё. Получив задание, списываешь его с учебника, а дома на подоконнике выполняешь. Стола у нас не было. Моя учёба во втором классе в Пятигорске закончилась очень быстро.

Дорога на Восток

Мама была очень занята, надо было выбираться из Пятигорска. Нас проверили, мама на немцев не работала, с оккупантами не сотрудничала. Плановый институт был эвакуирован из Пятигорска в Самарканд. Едем на поезде до Баку. Этот город я не видела. Из окна вагона — море огней большого города. Небольшой пароходик перевёз нас через Каспийское море. Дедушкин (врачебный) саквояж с термосом и лимонами, запасёнными на случай «морской болезни», утащил вор. «Морская болезнь» нас пощадила, лимоны не были нужны, жаль было саквояжа и термоса. Во время шторма мы попали на глаза капитану, он предложил нам отдохнуть в большой каюте, там был стол, удобные кресла, ведь мы уже отвыкли от такого удобства. Вечером и ночью море бушевало, волны хлестали по палубе, а утром удивило спокойное море нежными бирюзовыми переливами. В Красноводске у меня было время сходить в Музей 26-ти Бакинских комиссаров. По наказу тёти Кати мне нужно посещать музеи при малейшей возможности. В Пятигорске в домике, где жил М.Ю. Лермонтов, я не была, видела его только снаружи.

В поезде, который шёл на восток, кроме студентов и сотрудников Планового института были студенты и сотрудники Горного и Медицинского институтов. На остановках в безлюдных местах мне удалось собрать коллекцию крохотных раковин всевозможных форм. Из такого «песка» состояли железнодорожные насыпи. Мои находки заметил преподаватель Горного института. Он назвал каждую раковинку. Удачно собранные, крохотные, без повреждений, они хранились в маленькой коробочке. Мы говорили о древних морях, о животных, обитавших здесь очень давно. Теперь тут безводные места — пустыня. В Ленинграде я читала о возникновении жизни на Земле, о формировании материков. Много мне было интересно и понятно. У мамы было слабое зрение, она решила, что в коробочке песок. Так погибла моя коллекция крошечных ракушек.

Поезд довёз нас до Самарканда, а горняков и медиков направили дальше на восток. В Ленинград они вернулись нескоро.

Самарканд

День был серый, с серого неба летели лёгкие снежинки и исчезали в воздухе, было тепло. В Самарканде маме пришлось нанять носильщика. Наши вещи он сложил на тележку с двумя большими колёсами. Адрес у него был, он знал, куда надо всё довезти. Мама еле шла, я бежала вприпрыжку за тележкой т. к. этот носильщик бежал очень быстро, а я адреса не знала. Кругом был лабиринт глиняных стен — заборов. Наконец, заборы закончились, мы попали в общежитие студентов. Это был одноэтажный дом с тремя окнами на улицу. Внутри не было перегородок, одно большое помещение, где стояло много деревянных топчанов. Нам дали один топчан из досок, сверху мешок с соломой. Готовка на улице. В узком пространстве, между стеной дома и забором из глины — дувалом стояли старые вёдра, выложенные внутри камнями. Чайники, кастрюли были закопчены. С соседней крыши в потоке тёплого воздуха падали скорпионы. Мама к этой кухне меня не подпускала. Укус скорпиона болезнен и опасен для взрослого, может быть смертельным для ребёнка при малом весе. За водой я бегала с чайником. У меня была книжечка с отрывными листочками (талонами), один листочек — ведро воды, а у меня только чайник. Продавал воду молодой узбек, уговорить его продать на один талончик два чайника воды было невозможно. В рабочие дни я ходила в столовую, по довольственным талонам получала обед. Этот обед мама разогревала на первобытной кухне. Дворник пилил «железное дерево» — акацию. Меню: суп из сахарной свёклы, пюре из сахарной свёклы, кисель из сахарной свёклы. Готовили из черепахи суп, рагу, это хрящи, жилы, а кисель или компот — из сахарной свёклы.

Накануне 1 мая 1943 года мама послала меня к О.Н. Густавсон, которая благополучно добралась до Самарканда из Пятигорска вместе с основной группой эвакуированных сотрудников Планового института. Я в том общежитии задержалась. Начался тропический ливень. Гроза громыкала всю ночь. На узкой односпальной кровати мы с ней провели эту ночь, прислушиваясь к грозным раскатам. Утром светило солнце, город был вымыт, а на плоских крышах открылись маки. О наркотиках мы тогда ничего не знали. Мне запомнился праздник 1 МАЯ в белом городе с красными крышами.

В Самарканде я пошла учиться во второй класс. Учебный год уже кончался, начиналась жара. В школу я ходила в лёгком сарафанчике и тюбетейке. Рядом сидел очень маленький мальчик узбек, он не говорил по-русски, как его звали, я не знаю. Он приходил в школу в халатике и тюбетейке, снимал халатик, вешал

его на спинку парты, оставаясь в трусиках и тубетейке. Я снимала тубетейку. Мой сосед улыбался мне, всегда точил мои и свои карандаши. На большой перемене нам давали ломоть хлеба с вареньем из сахарной свёклы. Питьё было тоже из сахарной свёклы. Учёба окончилась, а так как я почти не училась во втором классе, то мне дали большое задание на лето. Каникулы начались, нас направили на работу. Мы разбирали коконы шелкопряда после пропаривания горячим паром. Что это такое, я знала. В Ленинграде я читала о французском учёном Пастере, он работал с шелкопрядом. Нам надо было кокон с дырочкой — брак отбросить в одну сторону, а где насекомое не прогрызло отверстие, в другую сторону, на размотку. У меня появилась «трудовая книжка». Это была размером с ладонь серая плотная сложенная «книжечкой» бумага.

В Самарканде нас не ждали. Мама пошла в дирекцию института, оставив меня во дворе. Окна дирекции были открыты, я слышала: «Теперь она нас засудит». На мамину ставку уже была оформлена студентка. У мамы не было сил и желания бороться, восстанавливая справедливость. Жара усилилась, маме очень плохо было в таком климате. Из-за жары увеличен дневной перерыв. Это время полной вольницы для детей. Собралась компания ребят, стали организовывать «театр». Душевые во дворе гостиницы, воды нет, мы играли там днём, никто нам не мешал. Книги я брала в библиотеке, много читала, выполнять задание времени не было. В краеведческом музее видела саркофаг Тамерлана. Мечети Самарканда меня не удивили, в Ленинграде на Петроградской стороне есть мечеть. Очень хотелось попробовать ягод тутового дерева, но с земли нельзя, а дерево очень высокое. Маленькая пиала ягод стоит один рубль, нет у меня рубля, нет денег на мороженое — «это вода розового цвета».

Администрация института была рада избавиться от мамы. Ей дали удостоверение, что она «командируется в Куйбышевскую область по вопросу набора студентов на 1943–1944 уч. год. Просьба ко всем советским организациям оказывать содействие т. Виссель...». Во время войны студентов можно было принимать только из Самаркандской области, если институт находится в Самарканде. По «удостоверению», которое ничего не значило, нам удалось доехать до Куйбышева. В то время это была «вторая столица». Нужно было получить разрешение военного коменданта на покупку железнодорожных билетов. Мама уже получила разрешение. Мне нужно было лично явиться на приём к коменданту, чтобы получить разрешение. Пока я сидела целый день в тени забора

и читала книгу «Земля Санникова», из моей детской головы «вылетело» всё, что надо было сказать военному коменданту. На его вопрос, куда и почему я хочу поехать, я сказала: «Сейчас спрошу маму». А должна была сообщить, что еду к тётё, о маме молчать. Комендант засмеялся, но разрешение дал. Очень трудно было попасть в вагон в Самарканде. Билеты у нас были, но проводница не хотела нас пускать в вагон. Нам помогли пассажиры, которые уже были в вагоне. Наши вещи втащили в окно. Пока проводница была у одной двери вагона, пассажиры впустили нас через другую дверь в тамбур. Поехали! Даже место в вагоне было.

На север дорога шла через безводную степь. Остановка в безлюдном месте, а на горизонте белоснежные сверкающие холмы. По вагонам кричат: «Берите мешки, наволочки, все за солью!». Таким образом по стране распространяли соль на проходящих поездах. Вагонов под соль не было, грузчики мужчины на фронте, а соль нужна, её можно обменять.

Куйбышев

В Куйбышеве по платформе ходила тётя Лена. Это было чудо! Она увидела нас в окне вагона, от радости расплакалась, плакала мама. На платформе мы были одни, Куйбышев закрытый город, у нас есть разрешение. Нам надо торопиться, надо попасть в товарный поезд, который сможет довезти нас до «почтового ящика № 175 в Куйбышевской области». Мы едем в Ново-Семейкино! В грузовом составе были открытые платформы и один вагон без крыши, в таких перевозят большие стволы деревьев. Середина вагона открытая, дверей нет. Мы положили вещи в угол, сами устроились подальше от открытой части вагона. 40 километров без остановок на полной скорости товарный состав пронёсся мимо Ново-Семейкино. Тётя Лена надеялась, что остановится состав через 6 километров в Старо-Семейкино. Действительно, ход стал замедляться, мы выбросили вещи, выпрыгнули из поезда. Теперь поезд остановился. Мы были целы. Собрали вещи, пошли к территории завода. За колючей проволокой был цех, два жилых барака, лесопилка, сарай. Через проходную нас пропустила охрана по пропуску тётя Лены. На стройке все знали о таком удивительном событии: у сотрудницы нашлись и вырвались из немецкой оккупации сестра и племянница. Когда тётя Лена получала письмо из Ленинграда, это было событием для коллектива, начинались расспросы. Добрались мы до барака, ночевали у знакомых тётя Лены, утром, оставив вещи, на рабочем поезде доехали до Ново-Семейкино.

Тётя Лена жила на втором этаже дома для специалистов. Она приготовила мне удивительное для того времени угощение — сварила какао со сгущённым молоком. Такого вкусного «сладкого» я давно не пробовала. Мама и тётя Лена ушли, я пила, растягивая удовольствие. Наконец, они вернулись. Маму директор принял на работу в отдел снабжения, жить будем в Старо-Семейкино, где живут «семейные». Тёте Лене теперь нужно добираться до работы 6 км. Летом она уходила рано утром пешком, а зимой на рабочем поезде. Возвращалась на рабочем поезде. В Ново-Семейкино был магазин, где она по талонам покупала продукты. Огород тётя Лена успела посадить, там росли тыквы. Мама часто ездила в Куйбышев по работе, часто ночевала там в заводской квартире — общежитии. Мама прочитала все письма, которые пришли тёте Лене из Ленинграда.

Поселили нас в комнату, где жила Фира Львовна с детьми. Они с Украины, уходили от немцев под обстрелом на переправе, командовал переправой муж Фиры Львовны. Судьба его была неизвестна. Фира Львовна была измучена мыслями, как жить. Она потеряла заботливого мужа, жильё на Украине разрушено, очень сложно с подростком Яней, шестилетняя Ирочка была напугана войной, она часто плакала, хотя рядом никого нет. Яня добывает дрова, приносит воду, готовит. Он старается стать опорой семьи, но ссорится с матерью; моей маме приходится уводить его, смягчать подростковые эмоции. Фира Львовна работала в бухгалтерии, тётя Лена и моя мама на работе, домашние дела на Яне (ему 14 лет), а под его присмотром я тоже готовлю. Мы жили на территории завода, напряжение было не 220 вольт, а промышленное, готовили на самодельных электроплитках с открытыми нихромовыми спиралями: при нагревании спирали выгибались, касаясь дна посуды (кастрюли, чайника). Мы хорошо знали об «укусах» электричества. Следить за процессом приготовления мы не были способны, погода манила идти играть на улицу. Всегда выкипала вода, а доливали, подбрасывая воду из ковшика, т. к. боялись «укусов» электричества. Была в этой комнате очень маленькая русская печь. На печке спали наши соседи — Фира Львовна, Яня и Ирочка. Печку сложил заключённый, в бараках до семей сотрудников жили рабочие (заключённые), которые копали глубокий котлован для укрытия радиостанции. Бараки до окон в земле, окна очень маленькие, скорее форточки. Внутри ниже окон прибит толь (или рубероид). Беда в том, что под рубероидом живут клопы. Печка была очень хорошая. В весеннюю распутицу нам не могли привезти хлеб, мама пекла круглый хлеб в печке.

Лето было жаркое, на огороде выросли большие тыквы. Мне было поручено срезать тыкву, почистить и сварить кашу. С трудом перерезала твёрдый стебель, а поднять и нести не смогла, пришлось катить её в горку и дальше до конца. Катила я тыкву, а между моей пяткой и задником старенькой туфли запрыгнул громадный кузнечик. Ему надо было освободиться, он напрягся, вертикальный шов на заднике затрещал. Кузнечик был свободен, а я с разорванным задником туфли продолжила нелёгкий путь, закатила тыкву. С заданием справилась. Каша была сварена, укрыта одеялом и подушкой до прихода мамы и тётки Лены.

Местность под Куйбышевом очень красивая, только много было малярийных комаров. Малярией болели все. Приступ начался внезапно. Рано утром по дороге на работу женщины увидели под кустом главного инженера, его внезапно «свалил» приступ. Добрались до объекта, прислали мужчин, чтобы помочь человеку попасть домой. Лечили нас таблетками акрихина, уколами. Малярия отступила зимой 1943–44 гг. Последние приступы у меня были летом 1944 г. уже в Ленинграде.

За малиной я пошла вместе с мамой, нашли удобное для сбора место. Кусты малины нависали над нами, мы стояли ниже, наклоняли ветки, собирали ягоды. Я заметила, что не очень далеко от нас кто-то большой в тёмном наклоняет стебли пучками, тихонько сказала маме, что мы здесь не одни малину собираем. Она меня за руку, палец к моим губам, осторожно ушли из леса. Это медведь лакомился малиной, обгладывал стебли. Ему тоже было удобно добираться до ягод. Летом волков видно не было. Осенью меня послали за молоком в деревню. Ходила обычно в первой половине дня, а на этот раз нужно было идти вечером. Луна уже взошла, было достаточно светло. Я шла, размахивая бидоном, крышка бидона слетела в канаву. Я спустилась в канаву за крышкой, а в это время по другой стороне дороги, размашистыми прыжками, бежала очень красивая собака. Я стояла и смотрела, такой крупной и красивой не было у нашей охраны. В деревне был большой переполох: волк забрался в сарай к скотине, переполошил кур. Это его выгнали из деревни. Это было осенью, зимой волки по ночам собирались вокруг нашей территории, огороженной колючей проволокой. Няня сказал, что в школу одной ходить нельзя. Все мальчишки (девочек не было) закончили обучение в школе, где было 4 класса. Зимой они ходили на лыжах за 6 км все вместе, «вооружённые» крепкими палками. Волки нападали на детей и собак. У меня не было лыж, на валенках дырки (на голенищах выше пяток — протёрты галоша-

ми). Дырки на валенках я зашивала картоном. Можно было сходить за водой, добежать до туалета, будка была на улице, но путь в 6 км не одолеть. Снега выпало много. Наст крепкий, если не было сильного ветра и мороза, то играли в снегу, рыли норы под настом. Одежду приходилось сушить. Все дети старше меня. За 2–3 года все выросли, одежда стала мала, а обувь мала и изнасилась, на такие «мелочи» внимания не обращали. Пятки я обморозила. Зимой приехала грузовая машина с киноустановкой. Мы все смотрели фильм о разгроме немцев под Сталинградом. Мне было поручено учить Ирочку писать, читать. Старший брат быстро уставал и раздражался от капризов малышки. Мы рисовали палочки, крючки, кружки, а ей хотелось иметь кукол, играть, а учиться было рано.

Летом 1943 года в Старо-Семейкине мы получили в один день письмо от тётки Кати и от бабушки Оли. Вечером 21 июня тётя Катя, написав письма, дошла до почтового ящика на другой стороне Большого проспекта, отправила письма нам, нашим друзьям, легла спать, а утром бабушка Оля пошла её будить, но тётя Катя спала вечным сном. Её убило кровоизлияние в мозг во сне 22 июня 1943 года. Похоронили её на Серафимовском кладбище... Теперь в Ленинграде нас ждали только бабушка Оля и тётя Оля.

Новый 1944 год мы встречали дружно. Яня принёс пушистую сосенку. Ленинградцы ждали и надеялись на возвращение домой. В Ленинград не могли ехать беженцы с Украины, у них не было «вызова». Это угнетало нашу соседку. Пока можно было с санками сходить в Красный Яр за картошкой, туда отправились Фира Львовна и моя мама. Пошли Яня и я встречать их, дошли до речки Сок, увидели следы зверей, стали ждать их ближе к жилью. Мамы благополучно вернулись. В распутицу нам не могли привезти хлеб, картошка выручала. Я не знаю, почему Фире Львовне нужно было идти из Старо-Семейкино в Ново-Семейкино в метель, в ветер. Дорогу замело, она шла по железной дороге, не слышала поезда. Она погибла. Пропали документы, деньги. Мама нашла её в Куйбышеве в морге. Община при синагоге похоронила её. Приехали родные из Уфы и из Москвы, забрали детей. Ира в Уфу к тётке, Яня окончил школу в Москве, поступил в Художественно-промышленное училище им. Мухомовой. Яня хорошо рисовал, но он рвался мстить фашистам. При первой возможности бросил учёбу, когда был набор на обучение лётному делу. Приходил к нам в красивой форме. Сооружение сверхмощного радиовещательного центра на территории Куйбышевской области в годы ВОВ (объект № 15 управления особого строительства НКВД) было завершено. Вот лауреаты

Сталинской премии первой степени: З.И. Модель, М.А. Соболев, Н.Н. Пальмов, Б.В. Брауде, С.В. Персон, Л.А. Копытин и А.Л. Минц.

Девушки-монтажницы из обрезков проводов делали сувениры, эту корзиночку они подарили тётке Лене. Тётя Лена работала во время пуска и настройки приёмо-передающих усилителей. Всегда потом её мучили головные боли. У неё была медаль «За трудовую доблесть». Трансляция через этот центр происходила до 2006 года. Значение этого строительства мне стало понятно много позже: «Атомный проект № 16», а это был проект № 15!

Ленинградцы с нетерпением ждали возвращения домой после полного снятия блокады. М.А. Соболев часто ездил в Москву, наконец, была дана команда «собираться». Весна 1944 года. Помню, что в лесу было очень влажно. Речка разлилась, затопила низину, где были огороды. Утром я проснулась одна в комнате, открыла окошко-форточку в туман, вдохнула запах тумана, запах весны, слышала удивительные звуки. Первый раз в жизни слышала мелодичную весеннюю песню соловья. Щелчки, тишина, снова ожидание песни. Когда в лесу стало суше, дети стали лакомиться сладким нектаром медуницы, немного, но сладкая капелька была в каждом цветочке. Надо выдернуть цветочек, пососать кончик. Взрослым не до нас было, размыло дороги, хлеб приходится печь, картошка подходит к концу, а хотели в Ленинград привезти. Но это всё пустяки, скоро домой. Исчезла лесопилка, сарай. Нужны доски для ящиков, но больше всего нужны гвозди, нет проволоки для их изготовления. Уже подвели ветку железной дороги к цеху с очень тяжёлыми станками. Погрузку станков видела издалека. Ведущие специалисты — будущие академики, директор завода, главный инженер в белых перчатках, рабочие в рукавицах затаскивали тяжёлые станки на платформы. В бурлацкие лямки впрягались все мужчины. Изготовили или достали гвозди, — не знаю. Завод должен быстро вернуться в Ленинград и приступить к работе. Кроме ленинградцев, ехали местные мужчины в охрану. Некоторым очень хотелось привезти корову, но говорили, что в Ленинград приехала коза.

Дорогу домой я толком не помню. Скорее всего, я или спала, или смотрела на мелькающие леса и поля. Ближе к Ленинграду печные трубы — памятники сгоревшим домам, разрушенные железнодорожные станции. Этот состав пропускали очень быстро. Завод был нужен.

В город мы вышли с Московского вокзала без вещей, всё оставили в камере хранения. На трамвае доехали и вышли на остановке на углу улиц Ленина и Большого проспекта. Стоим на углу у мага-

зина парфюмерии (теперь «Подарки»), видим наш дом, знакомые красные кирпичики. Слезы текут. Бегом мимо знакомых домов, перекрёстков. Вот наша Бармалеева, наша подворотня, двор, чёрный ход, дёргаем звонок, слышен знакомый колокольчик. Бабушка Оля открыла дверь, наконец мы дома. Радость сменилась пустотой квартиры. Нет бабушки Мани, тёти Кати, тёти Тали. С завода пришла тётя Оля. Шурёнок из эвакуации вернулась позже.

Лето 1944 года было холодным: 18 градусов с ветром ощущалось как 12 градусов. После лета в Самарканде и Старо-Семейкино мне было холодно. Малярия меня мучила в это лето. Ходила на улицу Блохина сдавала кровь на анализ. Взрослые работали, после работы расчищали завалы, учились строительным специальностям. Мама с её очень слабым зрением — штукатур-маляр. Она знала, как тянуть карниз, но уже через метр карниз пошёл бы вкривь. Правда, открытую электропроводку в квартире мы поменяли, работая все вместе.

В 1944 году осенью в Ленинграде в школе меня потрясло стихотворение:

*«Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём / Навеки».*

Кто написал его, тогда я не знала. Стихи прозвучали в школе в «монтаже» со сцены. Была я в третьем классе, преподавателей старших классов не знала. В школьной библиотеке мне могли предложить книжки, соответствующие возрасту ученика 3-го класса, а дома в моём полном распоряжении был книжный шкаф, где были старинные энциклопедии, собрания сочинений Достоевского, Мережковского, Блока, книги о животном мире, о растениях, книга «Человек», но стихов А.А. Ахматовой не было. Мама иногда цитировала звучные строки; теперь я знаю, это строчки Заболоцкого, Блока. А в школьной библиотеке работала Л.М. Конисская, лично знавшая А.А. Ахматову. Стихотворение было написано в 1942 году в Ташкенте. Туда с фронта приезжали раненые, залечивали раны, рассказывали о бесчинствах озверевших оккупантов.

В 11 лет я изучала город, видела баррикаду, перегородившую Садовую улицу, руины домов на главных проспектах, которые были замаскированы фанерными щитами с нарисованными окнами. Залив ещё был заминирован немцами, на Неве стояли большие корабли, а дома на набережной покрашены пятнистой маски-

ровкой. На Петроградской стороне напротив Пушкинского Дома несколько подводных лодок.

Школа очень близко от парадной лестницы нашего дома на Плуталовой улице, но меня не хотят туда принимать — «переросток». С трудом попала в третий класс к Карпенко, которая совсем не хотела видеть меня среди своих учеников. Всё первое полугодие она доказывала, что меня надо перевести в школу для переростков, но после Нового года обстановка стала более нормальной. В четвёртом классе были уже другие учителя. Спасибо Кудрявцевой и Веселовой, я у них стала отличницей, поверила в свои силы, хорошо сдала экзамены за четвёртый класс. Хуже всего было то, что я ещё совсем не хотела слышать немецкую речь. Преподавателей английского было мало, мне пришлось учить немецкий. Преподавательница была очень хорошая, но ученица упрямо сопротивлялась. Во время работы мне пришлось пользоваться английским, который трудно освоить без преподавателя.

На ёлку Нового года во Дворце им. С.М. Кирова я попала по счастливой случайности. Получила в подарок книжки: С.Я. Маршак «Двенадцать месяцев» и книжку Бианки о животных. Первый раз видела и слышала Аркадия Райкина. Васильевского острова не знала, очень трудно было на перекрёстке Среднего проспекта и 8-й — 9-й линий определить, в какую сторону ехать, на каком трамвае на Петроградскую сторону.

Наши шефы (завод «Радист» на Геслеровском) взяли нас на Первомайскую демонстрацию. Школьники изготовили большие красные маки, в ход шли бумага, ткань, проволока. Мы радовались этому празднику.

Мало могу сказать о 9 Мая. Ждали. Радовались. Но потери были слишком велики, слишком невосполнимы.

P.S: Я писала свои воспоминания, опираясь только на свою память. Как и раньше, я стараюсь не читать письма моих родных и друзей за это время. Всё, что удалось вспомнить, соответствует тому, что усердный исследователь того времени найдёт в письмах моих родных, моего отца, сослуживцев мамы, особенно О.Н. Густавсон, директора института Усольцева, профессора Л.В. Некраша. Все эти письма я передала в Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена для оцифровки, где они, надеюсь, буду храниться в архиве.